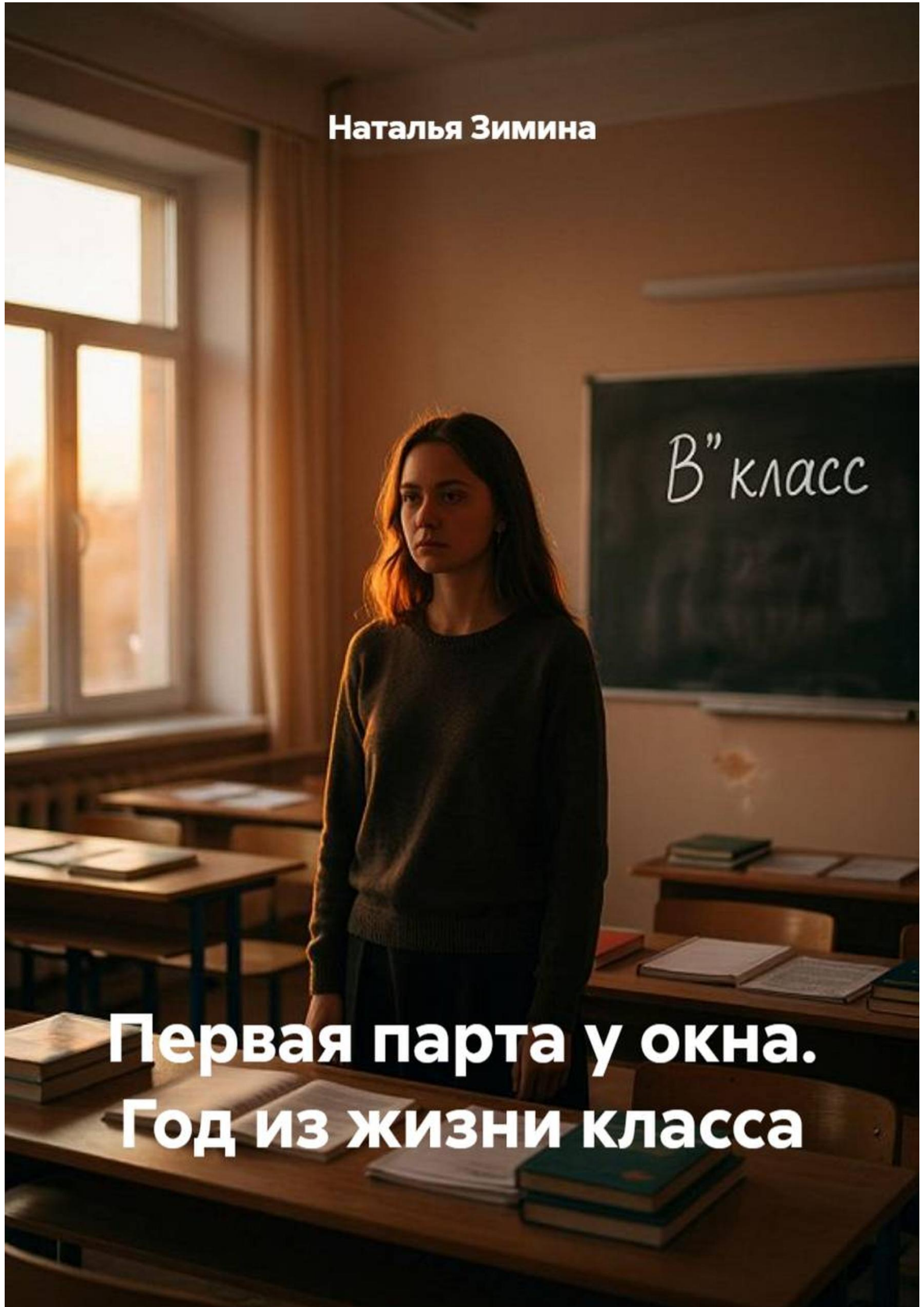

A young woman with long brown hair, wearing a dark grey sweater, stands in a classroom. She is looking out a large window on the left, where warm sunlight is streaming in. The classroom is filled with wooden desks and chairs, some with books on them. In the background, a blackboard is visible with the text "В" класс" written on it in white chalk. The overall atmosphere is nostalgic and contemplative.

Наталья Зими́на

В" класс

**Первая парта у окна.
Год из жизни класса**

Наталья Зимина

**Первая парта у окна.
Год из жизни класса**

«Автор»

2026

Зими́на Н. Ю.

Первая парта у окна. Год из жизни класса / Н. Ю. Зимина —
«Автор», 2026

«Мне сорок один, из них семнадцать — в начальной школе. Каждое первое сентября я думаю: ну всё, теперь ты умеешь всё. И каждое третье — понимаю, что нет». Второй «В» — класс, который никто не хотел: тихие, сложные, переводные, «ещё и из другого города». Нина Викторовна взяла его вместе с пустой первой партой у окна — и завела тетрадь, в которую записывала то, что нельзя писать в журнале. Это не роман. Это год из жизни класса: двадцать шесть записей, из них четыре про хомяка, три про зайца и все — про людей. Про мальчика, который написал «не знаю» и получил пятёрку за честность. Про девочку, которая боялась диктантов до слёз, а в мае подписала кляксу: «Это не клякса. Это узор такой». Про учительницу, которая однажды сорвалась, плакала в машине — и на следующее утро нашла в ящике записку: «Роботы ломаются. Вы лучше». Для тех, кто помнит школу с теплом. И для тех, кто в ней работает.

© Зимина Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Наталья Зими́на

Первая парта у окна. Год из жизни класса

ПРОЛОГ. КЛАСС, КОТОРЫЙ НИКТО НЕ ХОТЕЛ

Мне сорок один, из них семнадцать — в начальной школе. Каждое первое сентября я думаю: ну всё, Нина Викторовна, теперь ты умеешь всё. И каждое третье — понимаю, что нет.

В тот год параллель вторых классов переформатировали: из трёх сделали два, а «остатки» — тихих, сложных, переводных, «ещё и из другого города» — собрали во второй «В». Класс, который никто не хотел. Завуч Алла Борисовна постучала по моей двери двумя костяшками и сказала то, что говорят, когда знают ответ:

— Ну вы же справитесь.

Я справилась. Не сразу и не так, как планировала. А ещё — я завела тетрадь. Толстую, в клетку, «для себя»: записывала по вечерам то, что нельзя писать в журнале и можно забыть к утру. Из этой тетради — всё, что дальше. Имена, конечно, я поменяла. Всё остальное — нет.

СЕНТЯБРЬ

СПИСОК

В первый день я попросила всех написать, кем они хотят стать. Пожарный. Космонавт. Ветеринар «для всех, даже для злых». Вета написала: «котом, чтобы спать на подоконнике». Славик — «как папа, но чтобы приходил домой».

Тёмка Тарасов написал: «не знаю». Я поставила пятёрку — за честность. Он не понял, но пятёрку взял. С тех пор я знала: за этой графой «не знаю» стоит дом, в котором взрослым не до вопросов. Бабушка потом на собрании шепнула: мама у них в больнице, долго. «Вы ему, Нин Виктровна, лишний раз не...» — и я поняла всё остальное без слов.

СТРАХ

Вета боялась диктантов до слёз: буквально — писала и плакала, и от этого получались кляксы, и от клякс — новые слёзы. Я объявила классу: «Оценки в сентябре не ставим. Мы ещё не знакомы. Пишем для того, чтобы посмотреть, как вы красиво умеете». Через две недели Вета перестала плакать, через месяц — начала писать лучше всех. Дети не боятся работы. Они боятся, что их работу будут судить до того, как познакомятся.

ПЕРВАЯ ПАРТА У ОКНА

В кабинете было двадцать четыре парты и двадцать три ученика. Первая парта у окна пустовала: за ней сидел мальчик, переведшийся в августе к бабушке в Краснодар. Парта осталась — со стулом, с царапиной от циркуля, с «именем» внутри на клеёнке.

Я сказала классу: «Это парта для книг». На неё мы складывали любимые книжки месяца — со стопкой читательских дневников. К декабрю там лежала целая библиотека. Дети разговаривали с этой партой. Я делала вид, что не слышу: «А табуретка-то у нас книжная, ей хорошо, ей читают». Иногда мебели везёт больше, чем людям.

ТЁТЯ ДУСЯ И ГИРЛЯНДА

Сторож тётя Дуся каждое утро встречала второй «В» у входа и провожала взглядом до лестницы. В сентябре она поймала меня в коридоре: «Нин Виктровна, а вам гирлянду на окно? У меня от внучки осталась, кграммов... сто огонёчков». Гирлянда оказалась с лампочками через одну — тётя Дуся знала и извинялась весь год. А класс полюбил её именно за это: «у нас — специальная, с перерывами, как мы».

ГВОЗДЬ

За день до начала года завхоз переставлял мебель, а первого сентября Тёмка сел — и вскочил: из-под сиденья торчал гвоздь. Чудом — царапиной. Класс решил, что это вредительство, и к обеду знал три версии, две из которых подозревали параллельный «Б». Я закрыла

расследование уроком окружающего мира: вынули стул, перевернули, посмотрели. Гвоздь шёл изнутри — его загнало при переноске, летом; снаружи никто ничего не вбивал.

Вета потом писала в дневнике: «Оказывается, сначала надо перевернуть стул, а потом обвинять». Я попросила разрешения перепечатать это на плакат и повесить над журналом. Администрация думала, что плакат — про мебель. Мы-то знали, про что он.

ОКТЯБРЬ

ГЕРБАРИЙ «НАША АЛЛЕЯ»

По окружающему миру мы вышли на школьную аллею — каждый принёс по листу. Домой унесли не задание, а правило: «лист должен быть чей-нибудь». Клён — Ветин, он «любит клёны, потому что они звенят». Дуб — Славиков, «потому что крепкий». Тёмкин лист был простой, берёзовый, — он сказал: «просто наш». В гербарии на последней странице я подписала: «Аллея 2 „В“, октябрь. Листьев — двадцать три, чьих — всех».

«МЫ ЕЩЁ НЕ ЗНАКОМЫ»

До ноября я не ставила двоек в журнал. Родительский чат переволновался: «а как же контроль?!» Я ответила, как умела: «Контроль — это когда ребёнок знает, что его проверяют, а не ловят. Мы ещё знакомимся». В чате помолчали. Потом мама Славика написала: «А можно и нас с папой так — познакомиться, прежде чем ругать?» Чат помолчал ещё дольше. Я эту фразу потом на педагогическом рассказывала — в качестве методической литературы.

КОСТЮМ ЗАЙЦА

К осеннему утреннику нужен был заяц. Восемилетние отказались все («заяц — для дошкольников», «у меня чёлка не та»). Тогда заяц нашёлся сам: физкультурник Саныч, метр девяносто, войлочные уши на резинке. Он прыгал под «Песенку о доброте» так, что первый ряд лёг от хохота, а Вета сказала: «Вот это — дошкольник так дошкольник». С тех пор на все утренники заяц записывался сам, в обход кастинга. Уши, кстати, дожили до мая: Саныч говорил, что они «на удачу».

КОРМУШКА

В конце октября мы собрали кормушку: столярка Саныча, краски ИЗО, требование заказчика — «чтобы видно с первой парты». О месте крепления спорили всем классом, голосовали листиками с аллеи: клён — «за», дуб — «против»; дуб победил по количеству, клён — по красоте аргументов. Повесили на берёзу напротив окон.

Первым прилетел, конечно, воробей — «проверяющий», сказала Вета. Тёмка вёл дневник посетителей: синицы, снегири «в красных майках», полевой воробей «отличается от домашнего наглостью». К декабрю дневник знала вся школа: приходили смотреть, как четвероклассники списывают у второклассников.

НОЯБРЬ

ПИСЬМО МАМЕ

В сочинении «Моя семья» Тёмка написал четыре слова: «Бабушка. Кот Барсик. Всё». По правилам надо было разбирать, требовать, «раскрыть тему». Я поступила иначе: сказала, что тема раскрыта, а кто хочет — может написать второй вариант. Не для класса. «Для кого-то, кому давно не писал».

Тёмка писал сорок минут — весь урок и половину перемены. Отдал молча, углом вверх, как сдают деньги. Я отвезла письмо в больницу сама, вечером, с кухни педагога — гречка, чай, разговор с Тёмкиной мамой до отбоя. Она читала и говорила: «А он помнит, что я беляши... что я любила беляши печь. Он помнит». Помнил. Дети помнят всё, что пахнет домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.